

MISCELLANEA ONOMASTICA

I. Два кельтских географических названия

Не так давно Р. Матасович (*Folia onomastica Croatica* 5 (1996), Р. 85-88) обратил внимание на отражение топонима *Neviodunum* (CIL III 3919, 3921, 4616), который локализуется обычно в районе совр. г. Дрново (Словения) или с ним идентифицируется. Предметом анализа стала первая часть этого компонента, который традиционно рассматривается как кельтский, ср. многочисленные *Noviodunum*'ы на карте античной Европы от Галлии до Мезии. Как резонно считает этот исследователь, в первой части топонима, непротиворечиво интерпретируемого как «Новый город», более привычно видеть *-ovio-*. Матасович отмечает, что во «вторичных» топонимических источниках, к которым он причисляет т. н. «Певтингерову карту», действительно встречается и такое написание. Он также обращает внимание и на написания этого топонима в «Географическом руководстве» Птолемея *Noovióδουνον*, var. *Novíδουνον*, *Noviόδουνον* (Ptol. II, 14.4); см. полную подборку примеров в работе: Р. Anreiter, *Die vorrömischen Namen Pannoniens*. Budapest, 2001. S. 170-171. С точки зрения Матасовича, имеется две возможности объяснения этого компонента как кельтского: постулировать сохранение старого **-ew-* для восточно-кельтского или же исходить из того, что изменение **-ew-* > **-ow-* прошло в галльском позже, чем в других кельтских языках. Однако уже сам автор указывает на сложности этих двух интерпретаций (стоит учесть, что многие исследователи соотносят этот переход с общекельтской эпохой), и склоняется к анализу этого топонима как *vox hybrida*, состоящего из известного кельтского форманта *-dunum* и до-кельтского (паннонского, с вопр. знаком) компонента, также восходящего к и.-е. корню **newyo-*.

Представляется, что несмотря на указанные Матасовичем особенности написания этого топонима, в его «кельтскости» не стоит сомневаться. Отмеченные этим автором колебания в орфографии известны и для других топонимов, чье кельтское происхождение не вызывает сомнений, ср. написания *Nebiodumi*, *Noodunum* или *Naiodunum* (о последнем недавно писал П.-И. Ламбер) соответствующих населенных пунктов (совр. Isacsea и Neung sur Veuvron), где трудно ожидать «паннонское» влияние. Что же касается собственно варианта написания *Neviodunum*, то стоит обратить внимание на тот факт, что исследователи судьбы и.-е. дифтонга **-eu-* в галльском вынуждены — из-за характера

данных – оперировать с крайне ограниченным количеством примеров. Однако *eu мы находим в целом ряде форм, которые нельзя интерпретировать иначе, чем галльские (ср., впрочем, попытку Р. Беекеса увидеть в галльск. *teut-* / *tout-* и соответствующих словах в ряде других языков, традиционно возводимых к и.-е. *teutā, заимствование из не и-е. языка, которое не вызвало сочувствия кельтологов). Было высказано несколько объяснений этому явлению, ни одно из которых (за исключением, пожалуй, тезиса об «иллирийском» влиянии, и, скорее всего, о сохранении архаизма в галатском как диалектной черты, о чем мне уже доводилось писать) не может быть на сегодняшний день полностью отвергнуто. Представляется, что эта проблема исторической фонетики галльского языка в какой-то степени сопоставима с вопросом о колебании в трактовке и.-е. **k^w*, как, например, в случае с *Eropa* и *Equos*: несмотря на различные рефлексы, обе эти формы, без сомнения, являются галльскими. Сложности в интерпретации сами по себе не делают форму не-кельтской, тем более при наличии известных параллелей; поэтому топоним, рассмотренный Матасовичем, несмотря на особенности написания, остается галльским, а его фонетический облик (с учетом возможности датировки надписей и их локализации) может сослужить услугу для дальнейших изысканий в области исторической фонетики галльского языка.

Если в случае с *Neviodunum* / *Noviodunum* объяснение кельтского топонима (в его первой части) как не-кельтского вызвано особенностями фонетическими (и, возможно, даже чисто графическими), то аналогичная интерпретация второго из рассматриваемых здесь топонимов вызвана недоразумениями в анализе морфологическом. Речь идет о форме, известной благодаря Плинию (NH IV. 13): *Morimarusam*. В соответствующем фрагменте сообщается, впрочем, с чужих слов, что именно так кимбры называют Северный океан; название же глоссируется лат. *mortuum mare*. Интерпретации этого топонима посвящены несколько работ О. Н. Трубачева (см., к примеру, его книгу *Этногенез и культура древнейших славян* (М., 1991) с. 40 и 84 с библиографией), который вначале рассматривал его как славянский, а позднее – как дакийский. Анализ топонима, в общем, дается правильно: «на основании глоссы членить его следует как *mori marusa*, выражение состоящее из двух слов, первое из них – и.-е. *mori*, а второе, видимо носитель значения ‘мертвое’, без натяжек идентифицируется как прич. прош. вр. на *-us-*». Трубачев отмечает, что «название моря в этой форме могло быть у кельтов»; однако настаивает

вает на не-кельтском происхождении этого топонима, исходя из того, что «в кельтском не было причастий на *-wes-*, *-wos*, *-us*».

Действительно, в островных кельтских языках лучше сохранились продолжение известных и.-е. причастий на *-nt-* и *-mno-*. Однако нет никаких сомнений, что причастия на *-us-*, хоть и весьма фрагментарно, представлены в кельтском, о чем см. К.Х. Шмидт в *Linguistique Balkanique* 31 (1988), с. 28. Тем самым, морфологическая трудность снимается, а это географическое название непротиворечиво интерпретируется как кельтское, ср. Х. Delamarre, *Dictionnaire de la langue gauloise* (Paris 2001), с. 185. Лингвистическое соотношение плиниевского *Morimarusam* с кельтским, а не иными языками, выглядит предпочтительней и с экстра-лингвистической точки зрения. Хотя кимбры, с которыми связано это географическое название, были племенем германским, имеющиеся в распоряжении данные, и в первую очередь – личные имена, говорят о присутствии в нем определенного кельтского компонента. Сущность и объем этого компонента – а некоторые исследователи настаивают и на смешанном кельтско-германском характере племени – остается нерешенной проблемой, но ассоциированное с этим племенем географическое название скорее должно быть кельтским, нежели дакийским. Естественно, о германском происхождении плиниевского *Morimarusam* говорить не приходится.

II. Фракийско-германские соответствия в антропонимике?

Т. В. Топорова (*Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные* (М., 1996), с. 225) посвящает небольшой раздел «германо-фракийским соответствиям двучленных имен собственных». В него включены два примера: д.-в.-н. *Liut-helm* ‘народа шлем (имеющий)’ ~ фрак. Λά-ζελμις ‘народа защиту (имеющий)’ и д.-в.-н. *Hadu-mar* ‘битвой знаменитый’ ~ фрак. Κατο-μαρος ‘битвой великий’. Как известно, интерпретация фракийской антропонимики в большинстве случаев имеет достаточно гадательный характер, и, по существу, не сильно отличается от попыток античных и раннесредневековых авторов, как, например, Страбон или Стефан Византийский, толковать фракийские собственные имена или топонимы. Причины этого понятны, и объясняются самим характером фракийских данных. Поэтому в большинстве случаев не представляется возможным отдать предпочтение той или иной этимологии того или иного антропонима, тем более, что в большинстве случаев эти этимологии являются корневыми.

Однако представляемые Т. В. Топоровой германо-фракийские соответствия даже в этом контексте вызывают некоторые сомнения. В отношении первого из приведенных сопоставлений можно отметить, что принятая автором этимология второго компонента разделяется, к примеру, В. Георгиевым; в этом оба исследователя следуют за Дм. Дечевым. Однако И. Дуриданов (*Езикът на траките* (София 1976), с. 61 и 104) сопоставляет этот компонент с балтийскими формами типа лит. *želmuõ* ‘растение’ и считает, что он имел значение ‘потомок’, ср. также В. Н. Топоров в кн. *Балканское языкознание* (М. 1973), с. 52 (библ.). Впрочем, в данном случае – как и в большинстве других – этимология компонента и его значение могут быть оспорены. Важно же подчеркнуть, что собственно имя Λά-ζελμις не представлено во фракийском ономастиконе: Дм. Дечев, хотя и сопоставляет его первый компонент с Λά, публикует это только однажды засвидетельствованное имя как Ληζελμις. Более того, не стоит забывать и о том, что И. Руссу вообще предлагал читать это личное имя как Δουληζελμις, хотя В. Георгиев (*Траките и техният език* (София 1977) с. 93) ссылается на Ληζελμις как на реально существующую форму. В любом случае, приводимое Т. В. Топоровой это первое сопоставление ставит больше проблем, нежели их снимает. Что же касается второго сопоставления – д.-в.-н. *Hadu-mar* ‘битвой знаменитый’ ~ фрак. Κατο-μαρος ‘битвой великий’ – то оно становится менее проблематичным, если вслед за многими исследователями рассматривать последнее имя не как фракийское, а как кельтское. Действительно, в разделе «германо-кельтские соответствия двучленных имен собственных» книги Т. В. Топоровой (с. 208) этой же древневерхненемецкой форме (но в написании *Hada-mar!*) приводится галльская параллель *Satu-magus*, и, в принципе, это сопоставление на формальном уровне (оставив в стороне некоторые, впрочем, немаловажные детали) не вызывает сомнений. Однако в таком случае мы должны исключить второй из приведенных Т. В. Топоровой примеров из предложенного ею списка фракийско-германских соответствий.

III. Ptol. III. 11. 7. Οὔαλλα

Топоним Οὔαλλα зафиксирован только в «Географическом руководстве» Клавдия Птолемея, и, несмотря на то, что в тексте даются координаты этого населенного пункта, его точная локализация неизвестна: условно его обычно помещают в восточной части Гема. В другом месте (III.12.7) Птолемей упоминает еще

один населенный пункт Οὔαλλα, но этот топоним засвидетельствован и в иных источниках. При этом в передаче Стефана Византийского (Steph. Byz. 157, 11) он имеет начальное b-, а соответствующий этноним в тексте Плиния (NH 4, 34) пишется с начальным v-; взаимозаменяемость ou и β в рукописях Птолемея, иногда создающая значительные сложности для интерпретации, известна исследователям. Впрочем, Дм. Дечев достаточно категорично объединяет оба топонима – из Гема и Пиерина – в одной словарной статье, а саму статью помещает на страницах, посвященных анализу фракийской лексики с инлаутным b-; собрание фракийских форм типа *balas, balloi, balli* см. в D. Detschew, *Die thrakischen Sprachreste* (Wien 1957), с. 41-2. При этом, однако, рассматривая возможные сопоставления в других языках, Дечев оперирует с данными, предполагающими наличие начального v- в этом топониме. Стоит также отметить, что в переводе главы III. 10 «Географического руководства» Дм. Дчевым (*Извори за старата история и география на Тракия и Македония*, София 1949, с. 353) название населенного пункта дается как *Вала*. В самих же рукописях Птолемея топоним – без исключения – дается с начальным Οὔα-, и, похоже, в его произношении как /valla/ (или даже /vala/, что менее вероятно, см. ниже) сомневаться не приходится.

При том, что, как кажется, все исследователи соглашаются с чтением этого топонима с начальным v-, существует значительное количество весьма далеких друг от друга интерпретаций, ср. к примеру, мнения В. Томашека (1894) и Дм. Дечева. Этот последний исследователь, среди прочего, в качестве параллелей приводит и кельтские личные имена на *-valus*. Представляется, что стоит обратить самое пристальное внимание на кельтские данные, тем более, что в самом фракийском материале топонимы на *va-* практически неизвестны. В галльском же известны личные имена *Uallus, Uallo, Ualia*, Ουαλος, однако более частотны случаи, когда этот компонент выступает в качестве второго элемента составных имен; см. подборку примеров в D. E. Evans, *Gaulish personal names* (Oxford 1967), с. 269-271. В качестве второго компонента *-valium* известен и в целом ряде кельтских топонимов Британии, напр. *Bannovalium, Coriovalium*; топоним *Lugivalium* объясняется по-иному, см. A.L.F. Rivet, C. Smith, *The place-names of Roman Britain* (London 1979), с. 265. Несомненно, значение ‘strong(hold)’ *vel. sim.* для населенного пункта вполне допустимо. Примечательно, впрочем, что в качестве топонимического симплекса эта форма, похоже, неизвестна, а написание топонима с двойным *ll* также не имеет параллелей в

известном кельтском топономастиконе. Можно, впрочем, принять во внимание и тот факт, что в литературе упоминают и о написании этого топонима с одним *l* в тексте “Географического руководства”, однако эти свидетельства весьма туманны, см. комментарий в К. Müller, *Claudii Ptolemaei Geographia ...* (I.1, Paris 1883), с. 189 и ср. К. Ф. А. Nobbe, *Claudii Ptolemaei Geographia* (I, Lipsiae 1843), с. 189. Стоит также обратить внимание и на известные объяснения двойного *ll* в указанных выше британских топонимах результатом латинского влияния, см. G. R. Isaac, *The Antonine Itinerary. Land routes. Place-names of Ancient Europe and Asia Minor* (CD. Aberystwyth 2002). Однако, в принципе, даже форма типа *Valla* может быть непротиворечиво объяснена как кельтская – ср. в этой связи хотя бы многочисленные личные имена на *Vall-* (о чем выше); любопытнейшим образом Билли приводит форму *uallo-* ‘enclos’ (Р.-Н. Billy *Thesaurus Linguae Gallicae*, Hildesheim, etc. 1993, с. 151), однако ее источник остается мне неизвестным. Представляется, что возможность существования кельтск. *Valla* сегодня не может вызывать сомнения: она без всяких сомнений может быть возведена к **ul-n-H*, о “правильности” этой формы с точки зрения исторической фонетики см. Р.-У. Lambert в кн. *Britain 400-600. Language and history*. (Heidelberg 1990), с. 213-214 с библиографией. Анализ этого топонима как кельтского сопоставим с моей гипотезой о локализации «кельтского царства со столицей в Тиле» в восточной части Гема исходя из ономастических данных (см. *Ptolemy: Towards a linguistic atlas of early Celtic place-names of Europe*, Proceedings of the 3rd International Colloquium, Madrid, в печати), что находит параллели и в ряде археологических и исторических построений наших болгарских коллег.